

Валерий Сухарев

«Я печалюсь о тебе о нас о своей судьбе...»

Апрельское

Разнообразные коты сияют желтыми и зелеными своими огнями,
что твои светофоры, шерсть их почти искрит под ногами,
возможно, коты превентивные электростанции, поющие временами

какие-то мантры на невообразимом своем наречии,
ни собачьего в том ничего, тем более человеческого,
а потом они могут сделать друг дружке дурные увечья.

Бабулька ходит за ними вослед с потертыми клунками,
где таятся одеревеневшие, как приморский камень,
куски «бородинского» и хвост трагической колбасы, что веками

лежала в тусклом подвале склада, никем не едома: у-у-у,
колбаса решила, что там она – у себя дома, и впала в кому;
бабулька ее пилила и предлагала случайным знакомым му-

жчинам за семьдесят, те воротили носы, икали и шахматами гремели подмышкой, в разбитых коробках, пахли «тройным», прелостью и карамелью «дюшес», и всегда были то ли выпивши, а то ли с похмелья.

Жчины (которые му и которым пора во гроба из-за способа жизни) ей не перечат, садятся на лавочку, расставляют фигуры, пальцы кладя им на плечи нежнее, чем их былым красавицам, и меж них начинаются разные речи,

вроде: «Сегодня по десять или на чекушку?» – «Сегодня на то и на другое». Бабулька присаживается сбоку и начинает свою тоску неизбывную, лицо в пигментных пятнах на булку похоже с изюмом, ест колбасу из кулачка, и ветерок запикивает седину под платок, из переулка

поддувая; колеблются колокола, клаксонят дети на велосипедиках, грачи роют газоны, сквер далью зияет, сквозят деревья и первые почки их, как в детском горле бубоны, и расхристано бродят балбесы из вузов и из морского училища пьяненькие салабоны.

Апрельская неразбериха, на карнизах и на ветках дурдом и шумиха, возле бара стоит повариха в лосинах и фартуке, подо всем – муляжи, макияж, как фингалы, курит арома-цыгарку, в баре тихо – все ушли завоевывать склоны моря, съесть сыроватый купат с кинзой, лихо выпить и не менее лихо

свалиться башкой или чреслами в зеленеющий там и сям бурелом, где места уже заняты иными героями; за зиму скамейки аллеи стали годны только на слом, и никому не известный Кузьма Бурблубсусян, собиратель бутылок, в баре нашел под столом

обрубок плохой сигары и доллар фальшивый, и был этому крайне рад...
Бабулька забыла про ярких глазами котов, глядя на стертый ряд
шахматных клеток, о своем затуманившись; а на улице, стирая подряд

все приметы места и времени, плыл караван новых фасонов, сезона «весна-лето»,
из соседнего бара не пахло ни коньяком и ни киевской – по-одесски – котлетой;
а прелость апреля отдадим Пастернаку... И асфальт был шершав, как галета.

* * *

Я разъял свои руки и ты влетела в меня,
простоволосая и радостная таракуцка; ты и коня
на скаку останавливаешь; а я взял и – взял,
точно галстук на вые своей завязал.

За эти ноты, за эти скорби и боль
не латами греметь нам, но манить и чаровать;
слава Богу, что ты никогда не была Ассоль,
чтобы тебя безнадежно у моря ждать, –

зеленая струя в твоих глазах, и когда находит
туча, то и серые, как горизонт во время дождя;
таких – только одна в подлунной природе,
таких свет не видывал; это стихотворение словно бы, погода,

вышло на свежий воздух, а до этого сидело в душе,
будто на корточках затаившийся кто-то, накинув шарф,
смешной и цветастый; и ты тайно ела «буше»,
а я подглядывал и пакетом шуршал, едва дыша.

Кошка-клуша вразвалку сидит во дворе, где мы
отражаемся во всех окнах, в обнимку идя
куда подсказут тропы Господни; и крыши цвета сурьмы,
умытые солнцем, и тени деревьев повсюду скользят.

* * *

Это не «Колыбельная для кошки» и не кот в мешке,
и даже не дед, бесконечно застрявший в каком-то Торжке,
где продавал гусей и корову, наживаясь на творожке, –

это иная метафизика, другие времена и грузины с армянами;
потеет хурма, гниет шаурма, и амбар делается деревянной
от одного только взгляда на; и луна – как девица – торчит
перед глазами, назовем ее какой-нибудь маней или таней,
а по вечерам алектор орет и дятел в осину берет и стучит...

Весело жить, бабы бегают, гуляют утки и облака; и легка
ткань небес, у всех психосоматика, герпес и в кухне чеснок,
упрятанный в длинный чулок от бабушки; близь далека,

как «боинг» в просторе, где он и изнемог; со мной мой сурок,
прошедший полтора ста путей и сто дорог... Дай мне Бог

пробежать эти мили, не считая их миллиметрами, дай,
чтобы в рюкзаке были водка, вода и простая еда,
и чтобы луч солнца не выглядел, как олово или слюда,

слепа, как блестящая пятка атлета; пусть на улице лето
случится, пускай, на асфальте мягком том и отпетом
женские каблучки делают дыры, точно вилку воткнули
в разваренную картошку; и пусть мне бы пузо надули,
как лягушке... Но при всем том и при этом –

пускай та, что кудесничает ночами, а на рассвете
ничего не говорит, тиха, – вот пускай она эти
строки прочтет хотя бы и в интернете.

* * *

шла куда-то длинная кошка худая
то ли пожилая была то ли молодая
улыбалась и подзванивала как колокольчик Валдая

я мотылялся следом с пирожком под мышкой
жена меня выгнала я сделался коротышкой
и видать был похож на выброшенного плюшевого мишку

мережковская (гиппиус) зинаида меня обругала
и не светила мне как одну никакая валгалла
а дмитрий вообще промолчал бы совершенно другая

судьба и усадьба другая куда же нам деться
можно подглядывать в щелку можно самому раздеться
лечь калачом начитаться проперция

Боже почто Ты терпишь меня попусти
ты мою душу держишь словно букет в горсти
кругом не прав я так до без десяти

на циферблате стрелки час не выставлен время
тарабанит как дождь по стеклу и бремя и стремя
всего лишь рифмы как грустные девы в гареме

о чем то говорю я и знаю о чем
я пишу вы читаете и двери длинным и ржавым ключом
своим закрываю кошке моей нипочем

этот мир она дошла до безумия и я за нею вприпляску
поэзия форма идиотизма я рассказывал сказку
вам вот и радуйтесь идиоты лишенные всяческой ласки

* * *

я печалюсь о тебе о нас о своей судьбе
во гробех пребудем а душу деть куда?
туда поезда не ходят туда при спокойной ходьбе
вечность идти и какие-то длинные провода

провисают как молчаливое напоминание
о тяготах жизни но этот серый простор
озаряем тобою словно встал заранее
и вышел во двор ополоснуться и с тех пор

поры глотают озон это зона любви видимо
где все возможно абсолютно все поелику
там нет законов и там в любом виде
можно да хоть как угодно и я реку

и реку эту никогда не переплыву и не хочу
лучше под нож разбойнику или же палачу
я печалюсь о нас и длинными ночами
из себя излучаю свет словно свечами

окружен наш мир и римские коллизеи
не переговоят этот бормот в крови
деревя за окном гримасничают как лицедеи
и столько любви во всем что мало любви